ЗАПИСКА О ГЕНЕРАЛѢ-ФЕЛЬДМАРШАЛѢ КНЯЗѢ ПЕТРѢ ХРИСТІАНОВИЧѢ ВИТГЕНШТЕЙНѢ.

Составилъ П. Л. Пущилло.

Въ 1839 г., въ бытность мою городничимъ въ г. Переяславлѣ, Полтавской губерніи, прибылъ туда повѣренный князя Льва Петровича Витгенштейна. Этому повѣренному поручено было отыскать и купить мѣсто погребенія бабки его свѣтлости, матери генералъ-фельдмаршала князя Петра Христіановича, графини Амаліи Людовики Витгенштейнъ. Повѣренный, по многимъ мѣстнымъ причинамъ, не имѣлъ успѣха. Главнѣйшимъ препятствіемъ было то, что мѣсто могилы гр. Витгенштейнъ въ точности было неизвѣстно. Повѣренный поручилъ мнѣ, отъ имени князя Петра и всей его фамиліи, принять мѣры къ отысканію могилы и къ согласненію домохозяевъ продать мѣста, могущія оказаться нужными для устройства предполагаемаго памятника (и вокругъ него сада) надъ прахомъ усопшей.

Съ того времени, начались мои письменныя сношенія съ покойнымъ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ, который убѣдительно просилъ меня помочь ему исполнить, какъ онъ выразился, священный и послѣдній долгъ своей жизни, т. е. найти въ Переяславлѣ мѣсто погребенія его матери. Я началъ отыскивать въ мѣстныхъ архивахъ все касающееся фамиліи Витгенштейновъ, прислушивался къ народнымъ преданіямъ и, наконецъ, черезъ два года нашелъ въ землѣ подъ угломъ дома купчихи Чишехиной кирпичный склепъ. Когда съ онаго была снята земля, тогда нѣсколько обвалившихся кирпичей дали возможность увидѣть трупъ съ волосами на головѣ, зачесанными вверхъ, съ большими буклями и съ остатками женской одежды, изъ шелковой матеріи. У ногъ же усопшей, видны были останки младенца, двухъ или трехлѣтняго возраста. Сообразивъ показанія хозяевъ этого дома съ старымъ планомъ города, гдѣ значился графскій домъ, нельзя было сомнѣваться, что найденный склепъ заключалъ въ себѣ покойную графиню Витгенштейнъ. Я поспѣшилъ довести до свѣдѣнія сына о найденной могилѣ его матери.

Теперь, для полноты моихъ записокъ, нужно описать предшествовавшія сему обстоятельства. Я слишкомъ чту память фельдмаршала

Витгенштейна, какъ человѣка, прославившаго доблестями своими Россію, чтобы могъ позволить себѣ, хотя однимъ словомъ, нарушить строгую истину. Все, здѣсь описанное, основано на томъ, что я дѣйствительно видѣлъ и слышалъ. Я пишу эту записку какъ умѣю и, разумѣется, ни для кого другого, какъ только для себя и своихъ дѣтей и, особенно, для того изъ нихъ, который бы душою и сердцемъ былъ способенъ оцѣнить счастіе своего отца, удостоеннаго личнымъ вниманіемъ человѣка, украсившаго свой вѣкъ.

Его свѣтлость князь П. Х. Витгенштейнъ былъ сынъ генералъ-поручика Россійской службы Христіана Людовика графа Витгенштейна, женатаго на Амаліи Людовикѣ, урожденной графинѣ Финкенштейнъ. Отъ этого брака было у нихъ три сына и одна дочь. Когда графъ, командуя пѣхотною дивизіею, квартировалъ въ г. Нѣжинѣ, въ 1768 г., родился у него второй сынъ Петръ (впослѣдствіи князь и генералъ-фельдмаршалъ). Въ этомъ же году, по распоряженію главнокомандующаго Дунайскою арміею, гр. Румянцева, дивизіонная квартира была переведена въ г. Переяславль, куда и переѣхалъ гр. Витгенштейнъ съ своимъ семействомъ. Переяславль, хотя и былъ значителенъ по населенію, но очень бѣденъ хорошими зданіями и потому гр. Хр. Витгенштейнъ, чтобъ доставить своему семейству болѣе удобствъ, купилъ небольшой домъ съ довольно обширнымъ садомъ, внутри города, возлѣ церкви Св. Николая (нынѣ не существующей) и съ того времени домъ этотъ въ народѣ получилъ названіе графскаго дома. Гр. Румянцевъ жилъ въ то время въ своемъ имѣніи, въ селѣ Ташани, отстоящемъ отъ Переяславля на 30 верстъ. Такое сосѣдство дало возможность сближенія и послужило къ тѣсной дружбѣ. Въ 1771 году война съ Турками увлекла гр. Хр. Витгенштейна отъ семейства. Онъ уѣхалъ въ армію, оставивъ старшаго сына 12 лѣтъ, будущаго фельдмаршала 4-хъ лѣтъ, меньшаго 3-хъ и жену беременную дочерью (впослѣдствіи графинею Келлеръ). Черезъ нѣсколько времени, когда графиня Витгенштейнъ еще не оправилась послѣ родовъ, вспыхнулъ въ Переяславлѣ пожаръ, уничтожившій $^5/_6$ частей города, въ томъ числѣ церковь Св. Николая и домъ графа. Графиня, въ страшномъ испугѣ, едва могла спасти новорожденную дочь и четырехлѣтняго сына Петра. Другіе два сына были обязаны своимъ спасеніемъ карлѣ, по имени Ивану, любимцу графа Румянцева, котораго онъ оставилъ графинѣ въ пѣстуны для ея дѣтей.

Болѣзнь графини, сильный испугъ и простуда, во время Декабрьской ночи, убили ее на другой день послѣ пожара. Дѣти рыдали надъ умершей матерью. Изъ нихъ, трехлѣтній сынъ не пережилъ этой потери, и одинъ гробъ вмѣстилъ и мать, и сына. Осиротѣлыя дѣти остались на попеченіи усерднаго карлы, который, пріютивъ ихъ кое-какъ,

поѣхалъ въ Кіевъ, чтобъ о случившемся несчастіи дать знать княжнѣ Ливенъ, которая немедленно пріѣхала въ Переяславль и похоронила умершую графиню съ сыномъ въ саду сгорѣвшаго дома. (Покойная графиня была евангелическаго вѣроисповѣданія). Остальныхъ же дѣтей княжна Ливенъ взяла съ собой въ Кіевъ *). Съ того времени, въ Переяславлѣ память о фамиліи гр. Витгенштейна почти исчезла, и пепелище дома, съ останками матери и сына, было въ народѣ забыто, садъ уничтоженъ и мѣсто застроено. Въ 1812 г. славные подвиги графа Петра Христіановича пробудили въ Переяславлѣ преданіе объ этомъ семействѣ. Бросились отыскивать мѣста бывшаго жительства и погребенія матери нашего героя и едва нашли дряхлую старушку (бывшую кормилицу дочери графини Витгенштейнъ) которая указала мѣсто графскаго дома, пріобрѣтенное жителями по праву давности и уже застроенное. Въ проѣздъ графа Витгенштейна черезъ Переяславль въ 1815 г., кормилица эта еще существовала и, хотя ея показанія были довольно сбивчивы, но Переяславское дворянство, изъ признательности къ подвигамъ графа въ Отечественную войну, испросило у него позволеніе устроить на указанномъ мѣстѣ памятникъ его матери. Упрямство завладѣвшаго тѣмъ мѣстомъ обывателя и неопредѣленность мѣста самой могилы, повидимому, были причиною, что усердіе дворянъ не осуществилось. Между тѣмъ, гр. П. Х. Витгенштейнъ долгое время оставался въ томъ убѣжденіи, что священное для него мѣсто въ Переяславлѣ ознаменовано приличнымъ памятникомъ, и только въ 1834 г., проѣзжая черезъ Переяславль, онъ узналъ, что на мѣстѣ погребенія его матери нѣтъ и не было никакого памятника. Съ этого времени фельдмаршала занимала мысль (какъ онъ выражался) исполнить священнѣйшій и послѣдній свой долгъ: отыскать могилу своей матери.

Богу было угодно употребить мое усердіе для исполненія желанія фельдмаршала. Я не могу безъ слезъ читать выраженія благодарности этого старца-героя за мои посильные труды. Съ этого времени князь поручилъ мнѣ войти въ переписку съ полковникомъ Могучимъ (жившимъ въ Вильнѣ) на счетъ памятника, отлитаго въ Берлинѣ и о доставкѣ онаго въ Переяславль. Я имѣлъ честь угодить его свѣтлости покупкою мѣста, гдѣ покоится прахъ его матери и сосѣднихъ съ онымъ мѣстъ, для устройства вокругъ памятника сада, по плану отъ него ко мнѣ присланному. Когда все это было мною устроено и о томъ доведено до свѣдѣнія князя, то, осенью 1841 года я имѣлъ честь по-

*) Овдовѣвшій графъ Христіанъ Витгенштейнъ женился на вдовѣ графа Бестужева, урожденной княжнѣ Долгорукой, родственница которой была за президентомъ Военной Коллегіи графомъ И. И. Салтыковымъ; тутъ онъ вполнѣ обрусѣлъ. П. Б.

лучить отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня о скоромъ своемъ прибытіи въ Переяславль, для установки памятника. Но вскорѣ затѣмъ, онъ вновь писалъ, что вывихъ бедра лѣвой ноги повергъ его на долгое время въ постель. Страдашія заставили больного князя, весною 1842 г., отправиться за границу къ минеральнымъ водамъ. Отъѣзжая туда, онъ писалъ ко мнѣ, чтобы привезенный въ Переяславль памятникъ не вынимать изъ ящиковъ до его возвращенія, потому что, если здоровье позволитъ, онъ намѣренъ самъ пріѣхать въ Переяславль.

Получая извѣстія о худомъ успѣхѣ въ исцѣленіи его свѣтлости, я никакъ не могъ предполагать, чтобъ онъ, при такомъ разстроенномъ здоровьи и маститой старости, могъ рѣшиться на поѣздку изъ мѣстечка Каменки (постояннаго его пребыванія) за 500 верстъ въ Переяславль. Но 28 Марта 1843 г., къ крайнему моему изумленію и вмѣстѣ и удовольствію, я имѣлъ честь получить отъ князя письмо съ дороги, черезъ передового, о прибытіи его 30 того же мѣсяца въ Переяславль, для устройства памятника; словесно онъ приказалъ передовымъ своимъ просить меня о назначеніи ему квартиры у меня въ домѣ. Не смотря на всѣ затруднешія отъ недостатка средствъ въ маленькомъ городѣ, приготовлено было мною все, что только нужно было для устройства памятника. Памятникъ былъ вынутъ изъ ящиковъ, при архитекторѣ князя, пріѣхавшемъ съ передовыми, мѣсто очищено и земля для фундамента вырыта. 30 Марта, въ 5 часовъ пополудня, я имѣлъ честь встрѣтить фельдмаршала на Полтавской заставѣ города. По принятіи его свѣтлостію рапорта о благосостояніи города, первымъ его словомъ была благодарность мнѣ за принятый мною трудъ и исполненіе его порученій. Потомъ, спросивъ о прибытіи передовыхъ и архитектора, онъ просилъ меня проводить его въ квартиру. Когда подъѣхали къ моему дому и князь выходилъ изъ кареты, я, замѣтивъ его слабость, поддержалъ его подъ руку. Поблагодаря снисходительно за мою услужливость, онъ изъявилъ скорбь о своей болѣзни, словами: «Вы видите, какой я калѣка!» И, дѣйствительно, нельзя было видѣть безъ живѣйшей скорби, какого стоило труда маститому страдальцу садиться въ экипажъ или выходить изъ онаго: каждое движеніе ноги сопровождалось невольнымъ стономъ, обличавшимъ его страданія. Вошедъ въ комнаты, онъ разспрашивалъ у меня со всею подробностію о памятникѣ и скупленныхъ для онаго мѣстахъ и о предположенной на другой день церемоніи для освященія мѣста. Но какъ архитекторъ объявилъ фельдмаршалу о порчѣ средней части монумента, происшедшей отъ перевозки, то это крайне огорчило его свѣтлость, такъ что онъ рѣшилъ этотъ памятникъ отослать въ Каменку, и другой такой же отлить въ Берлинѣ. Затѣмъ, представлялся фельдмаршалу съ своими ординарцами

командиръ 4-го сапернаго баталіона, полковникъ Майдель 1-й; онъ ласково поговорилъ о причинѣ своего пріѣзда и, похваливъ ординарцевъ, отпустилъ ихъ.

Потомъ фельдмаршалъ почувствовалъ себя ослабѣвшимъ отъ дороги и потому никто уже его не безпокоилъ. Откушавъ обѣдъ изъ немногихъ простыхъ блюдъ и нѣсколько отдохнувъ, его свѣтлость призвалъ меня и своего архитектора и совѣщался на счетъ памятника. Я тотчасъ призвалъ мастеровыхъ, которые увѣряли, что къ завтрашнему утру могутъ запаять трещины такъ прочно, что нельзя будетъ замѣтить порчи. Хотя этому и можно было повѣрить, потому что памятникъ, отлитый изъ шпіалтера, удобенъ былъ къ пайкѣ, но, все еще не довѣряя ихъ искусству, я не рѣшился обнадежить его свѣтлость въ удачномъ исправленіи и почелъ за лучшее о производимой работѣ умолчать до завтрашняго утра. Но какъ памятникъ, кромѣ порчи, не могъ быть установленъ еще и потому, что нужна была сперва вокругъ онаго ограда, то фельдмаршалъ рѣшилъ на другой день осмотрѣть оный и сдѣлать на мѣстѣ обрядъ заложенія, для чего и приказалъ мнѣ распорядиться приготовленіемъ церемоніи къ 10-ти часамъ утра, окончательную же установку памятника на мѣстѣ и освященіе онаго отложилъ до слѣдующей весны и потомъ, проговоривъ со мною до 11 час. вечера, отпустилъ меня; затѣмъ, походивъ, съ палкою въ рукахъ, нѣсколько времени по комнатѣ, легъ почивать.

Я распорядился приготовить церемонію для предполагаемаго обряда и употребилъ всевозможныя усилія къ поощренію мастеровыхъ задѣлать трещины въ памятникѣ. Всю ночь нѣсколько человѣкъ работали надъ починкою. Стѣны памятника они сперва плотно стянули желѣзными штамбами и потомъ такъ искусно запаяли трещины и закрасили, что и слѣда порчи не осталось. На разсвѣтѣ памятникъ совершенно былъ готовъ и установленъ во всю высоту.

Фельдмаршалъ, переночевавъ покойно, на другой день проснулся въ 7 часу утра и укорялъ себя въ долгомъ снѣ, приписывая причину онаго камердинеру своему, не озаботившемуся ранѣе открыть окна въ домѣ. Когда князь напился чаю и одѣлся въ сюртукъ съ фельдмаршальскими эполетами (безъ всякихъ, впрочемъ орденовъ), то я имѣлъ честь рапортовать ему о благосостояніи города и, при докладѣ моемъ, что уѣздные чиновники и граждане желаютъ имѣть счастіе представиться его свѣтлости, онъ изъявилъ согласіе принять ихъ и немедленно вышелъ въ залъ, ласково всѣхъ привѣтствовалъ и, принявъ хлѣбъ-соль отъ обывателей, разсказывалъ, что отецъ его, командуя дивизіей, нѣкогда жилъ въ Переяславлѣ и, оставивъ здѣсь свою семью, отправился въ 1771 г. на войну съ Турками, имѣлъ несчастіе лишиться

жены, которая въ его отсутствіе умерла здѣсь и погребена, оставивъ его фельдмаршала сиротою на 4-мъ году и сестру его еще на рукахъ кормилицы. Нынѣ, желая ознаменовать мѣсто погребенія своей матери, онъ пріѣхалъ нарочно въ Переяславль для постановленія памятника надъ ея останками. Гражданъ онъ распрашивалъ объ ихъ промыслахъ и торговлѣ и, поговоривъ еще нѣсколько времени съ посѣтителями, отпустилъ ихъ.

Послѣ сего я поднесъ его свѣтлости на разсмотрѣніе свинцовую доску для положенія въ основаніе памятника, съ слѣдующею надписью: «1843 года Марта 31-го дня, въ благословенное царствованіе Самодержца Всероссійскаго Государя Императора Николая Павловича, воздвигнутъ памятникъ этотъ его свѣтлостію генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Петромъ Витгенштейнъ надъ прахомъ матери своей, урожденной графини Амаліи-Людовики Финкенштейнъ, скончавшейся въ г. Переяславлѣ 1771 г., на 31 году отъ рожденія. Основной камень памятника сего положенъ своеручно самимъ фельдмаршаломъ».

Его свѣтлость остался очень доволенъ надписью и приказалъ заплатить мастеру за рѣзьбу что слѣдуетъ, на это и другія издержки вручилъ мнѣ 500 рубл. ассигнаціями и, потомъ, жалуясь на несчастіе, постигшее его отъ вывиха ноги, просилъ меня для поѣздки къ памятнику и къ мѣсту церемоніи найти экипажъ пониже и, когда я доложилъ, что такой экипажъ уже готовъ, то его свѣтлость, вышедъ изъ дома, сѣлъ на небольшія дрожки и, въ сопровожденіи моемъ, отправился сперва къ мѣсту храненія памятника. Осмотрѣвъ оный во всѣхъ подробностяхъ и оставшись доволенъ красотою модели и работою, крайне обрадовался прочной и искусной починкѣ, благодарилъ меня въ живѣйшихъ выраженіяхъ и тутъ же рѣшилъ, что памятникъ этотъ можетъ оставаться безъ замѣны его другимъ. Оттуда мы поѣхали къ мѣсту церемоніи, гдѣ ожидали уже прибытія князя духовенство, военные и гражданскіе чины, цеховые и народъ. Погода была пасмурная и довольно холодная; фельдмаршалъ, въ продолженіе всей церемоніи, не хотѣлъ надѣвать шинели и оставался въ одномъ сюртукѣ, а также на предложенное кресло не садился, а спросилъ только дозволенія у духовенства, по слабости своего здоровья, быть съ покрытою головою; но, при провозглашеніи имени Августѣйшаго Государя, всякій разъ обнажалъ голову и только, послѣ неоднократныхъ съ моей стороны просьбъ, согласился, къ концу церемоніи, надѣть шинель. Когда архимандритъ, отправлявшій святой обрядъ, взялъ крестъ, а я свинцовую доску, назначенную къ положенію въ основаніе, и начали спускаться въ глубину вырытой для фундамента земли, то его свѣтлость, остановившись на краю довольно глубокаго рва, сказалъ съ чувствомъ: «и я

бы желалъ опуститься, но не въ силахъ». Потомъ, снявъ съ себя шинель и поддерживаемый, сошелъ съ тяжкимъ усиліемъ, по подмосткамъ, къ основному камню, и такъ какъ свинцовая доска была довольно тяжела, то при пособіи моемъ положена была фельдмаршаломъ собственноручно въ впадину камня и прикрыта основнымъ же камнемъ. Слеза, капнувшая изъ его померкшихъ глазъ, упала мнѣ на руку и, скатившись на основной камень, посвящена была нѣжностію маститаго сына памяти своей матери. Потомъ подана ему была лопатка съ приготовленною известью, для задѣлки заложеннаго основанія, которую князь бросилъ по обряду на камень. Всѣ эти напряженія истощили его слабыя силы, и онъ, едва разогнувши поясницу, сказалъ: «я усталъ и больше не могу; продолжай за меня». Послѣ сихъ словъ, князь, съ величайшимъ трудомъ и то при пособіи другихъ, вышелъ опять на верхъ. По окончаніи водосвятія, поднесенъ былъ его свѣтлости крестъ, къ которому онъ приложился и принялъ святую воду на обнаженное свое чело. Не только нельзя описать, но даже и вообразить всей трогательности совершившагося обряда, при видя старца-героя, въ коемъ уже угасала жизнь, со слезами на глазахъ преклоняющагося у гроба матери своей. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ множества собравшагося здѣсь народа едва ли кто оставался равнодушнымъ. Дѣти поучались любить и почитать своихъ родителей, отцы и матери молились быть достойными подобной любви отъ своихъ дѣтей! По окончаніи святого обряда, когда народъ удалился, его свѣтлость пожелалъ взглянуть на останки своей матери и, грустно покачавши головою, сказалъ мнѣ: «закрой, чтобъ никто не могъ прикасаться», что въ тоже мгновеніе и было исполнено.

Затѣмъ приступлено было къ планировкѣ деревянной ограды вокругъ основанія, по указанію самого фельдмаршала, и по разбитіи мѣста для сада, онъ отправился въ свою квартиру, гдѣ до самаго обѣда изволилъ распоряжаться и отдавать мнѣ разныя приказанія на счетъ устройства памятника и разведенія вокругъ него сада. Въ это же время фельдмаршалъ повѣрялъ разные счета расходовъ мною сдѣланныхъ на высланныя ко мнѣ суммы. Всѣмъ этимъ оставшись совершенно доволенъ, онъ былъ очень радъ исполненію своего обѣта. Потомъ, когда настало время обѣда, онъ сказалъ: «я бы тебя оставилъ у себя обѣдать, но я такъ мало ѣмъ, что тебѣ будетъ скучно со мною; иди къ своей семьѣ». Во время стола его свѣтлость прислалъ мнѣ съ своимъ камердинеромъ стаканъ вина, съ предложеніемъ отвѣдать произведенія виноградныхъ лозъ, разведенныхъ въ его имѣніи, въ мѣстечкѣ Каменкѣ, Подольской губерніи.

Здѣсь не могу умолчать о случаѣ, касавшемся счастія моего

семейства. Пріѣздъ кн. Витгенштейна былъ для меня какъ посѣщеніе Ангела-Хранителя! Жена моя имѣла привычку работать въ пяльцахъ, въ дѣтской комнатѣ, и преимущественно усвоила себѣ мѣсто подлѣ колыбели малолѣтней нашей дочери. Когда фельдмаршалъ поѣхалъ къ мѣсту освященія памятника, то жена моя, оставивъ пяльцы, также отправилась съ дѣтьми, чтобы быть при обрядѣ освященія. По окончаніи церемоніи, она возвратилась въ домъ, и лишь только вошла въ переднюю комнату, какъ услышала въ дѣтской ужасный стукъ; входитъ туда и видитъ, что толстый слой штукатурки обрушился съ потолка съ такою силою, что пяльцы, стулъ, на которомъ жена сидѣла, и колыбель дочери, разбиты на нѣсколько частей, упавшею съ потолка штукатуркою. Первымъ дѣломъ была благодарная молитва Господу Богу за видимое спасеніе, которое Онъ послалъ намъ въ лицѣ нашего гостя: потому что, еслибы жена осталась, по обыкновенію, на этомъ мѣстѣ за работою, то несомнѣнно была бы убита.

Послѣ обѣда дорогой мой гость, по кратковременномъ отдыхѣ, потребовалъ меня къ себѣ, угощалъ чаемъ и до 12-ти ч. ночи удостоилъ меня весьма ласковымъ разговоромъ. Ростъ его казался 2 арш. 8½ в., но можно было полагать, что въ лѣта болѣе цвѣтущія онъ былъ гораздо выше; при худобѣ своего тѣла, кости имѣлъ довольно широкія, такъ что вообще казался плотнымъ, хотя отъ старости согнувшимся и въ корпусѣ нѣсколько искривленнымъ. На головѣ, совершенно почти обнаженной, оставалось нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Усы онъ носилъ подстриженные и весьма небольшіе; лицо было преисполнено умомъ и добротою; голубые глаза по временамъ отсвѣчивались еще жизнію молодости. Звукъ голоса въ обыкновенномъ разговорѣ имѣлъ тихій и нѣжный; но голосъ этотъ, возвышаясь, безъ видимаго усилія, дѣлался довольно громкимъ. Изъ всѣхъ людей, встрѣчавшихся мнѣ въ жизни и примѣчательныхъ по своимъ дѣяніямъ, фельдмаршалъ Витгенштейнъ былъ неподражаемъ выраженіемъ необычной доброты въ лицѣ и способомъ своей рѣчи. Обладая прекраснымъ выговоромъ Русскаго языка, онъ въ лѣтахъ позднихъ сохранилъ искусство передавать въ краткихъ выраженіяхъ очень много, такъ что ни одно слово въ его разсказѣ не дѣлалось пустымъ звукомъ, но заключало въ себѣ всю силу того, что онъ хотѣлъ выразить. Изъ разообразныхъ сужденій и разсказовъ его я могъ сдѣлать слѣдующій выводъ. Фельдмаршалъ ума обширнаго, соображенія быстраго; обдумавъ и рѣшившись, онъ исполняетъ предпринятое осторожно и неизмѣнно. Кромѣ того, въ немъ видно систематическое образованіе въ юности и постоянное слѣдованіе разума съ вѣкомъ и духомъ времени. О свойствахъ же его души и сердца новаго ничего не могу прибавить. Правдивая исторія, признательность отече-

ства и монарховъ Европы высказываютъ ясно объ этой могучей душѣ, а тысячи подчиненныхъ объ его прекрасномъ сердцѣ. Фельдмаршалъ былъ строгъ только къ себѣ, а къ другимъ снисходителенъ, бережливъ, но безкорыстенъ какъ Цинцинатъ. Въ прекрасномъ его характерѣ замѣчательна была черта наивной скромности и простодушія; онъ до конца своей жизни какъ будто не довѣрялъ важности своихъ заслугъ, принесеннымъ имъ на алтарь отечества. Жену и дѣтей своихъ онъ обожалъ, о внучатахъ говорилъ съ восторгомъ; съ удовольствіемъ разсказывалъ о своей Каменкѣ и требовалъ, чтобы я ее посѣтилъ, хотя бы и послѣ его смерти. Вообще замѣчено, что съ разрушеніемъ силъ физическихъ гаснутъ въ насъ способности душевныя; но въ фельдмаршалѣ встрѣтилъ я противное. Память его меня изумляла, и я долженъ признаться, что, составляя эту записку, не сознаю въ себѣ силы памяти, чтобы передать все то, что́ было передано мнѣ 75-ти лѣтнимъ старцемъ. Жизнь его слишкомъ обильна историческими событіями, въ которыхъ онъ игралъ такую блистательную роль, что слушавшій его невольно поражался удивленіемъ къ правильности, ясности и краткости разсказа. Онъ помнилъ годъ и число, имена и фамиліи лицъ и названія мѣстъ такъ правильно, что, слушая его, но не видя, можно полагать, что онъ читаетъ изъ книги, а не разсказываетъ событія, отъ которыхъ отдѣляютъ васъ десятки лѣтъ. При воспоминаніи о быломъ, я не замѣтилъ, чтобы онъ ошибся, или, забывшись, припоминалъ бы обстоятельства, входящія въ разсказъ. Въ заключеніе могу даже сказать, что фельдмаршалъ, независимо отъ блистательныхъ свойствъ разума и сердца, долженъ стоять на ряду съ величайшими людьми своего вѣка еще и потому, что онъ всталъ на высоту славы безо всякихъ вспомогательныхъ условій и случайностей.

На третій день пріѣзда фельдмаршала въ Переяславль, т.-е. 1-го Апрѣля, по приказанію его все было готово къ отъѣзду. Въ послѣдній разъ явился я съ рапортомъ къ фельдмаршалу и, Бога знаетъ, не былъ ли это послѣдній отголосокъ столь знаменитаго служебнаго поприща: черезъ мѣсяцъ, этотъ великій человѣкъ уже не существовалъ, и славное имя его сдѣлалось достояніемъ исторіи. Съ опасеніемъ видя упадокъ здоровья въ безцѣнномъ моемъ гостѣ, я долженъ былъ, на всякій случай, многое повергнуть на рѣшеніе его свѣтлости для окончательнаго устройства памятника.

Посему я спѣшилъ пользоваться немногими минутами пребыванія его въ Переяславлѣ. Всѣ мои вопросы разрѣшалъ онъ ясно и опредѣленно. Грустно было слышать это изустное завѣщаніе. Онъ, между прочимъ, говорилъ: «Я чувствую себя видимо слабѣющимъ; похоже, что я не доживу до слѣдующей весны; совѣтуютъ, чтобы я ѣхалъ за-

границу на воды, но едва ли эти воды или что-нибудь мнѣ поможетъ. Я бы еще могъ довольно прожить, если бъ не эта нога. Благодарю Бога, я счастливъ. Императоръ помнитъ мои заслуги, отечество, можетъ, тоже не забыло; не богатъ я, но, по милости Бога и Государя, съ меня довольно. Моя княгиня, слава Богу, здорова, дѣти меня любятъ, я ихъ всѣхъ тоже люблю. Кажется, почему бы не пожить, но что же дѣлать. Видно, такъ Богу угодно». Все это высказывалось съ ангельскимъ выраженіемъ лица и пріятнымъ меланхолическимъ голосомъ. Онъ еще говорилъ: «Въ случаѣ моей смерти, прошу тебя сдѣлать такъ, какъ я показалъ и разсказалъ. Въ нуждахъ относись къ моей женѣ, но, какъ она стара, то пиши князю Льву Петровичу, а болѣе всего пиши къ княгинѣ Трубецкой. Я уже разсказывалъ тебѣ, какъ она добра и какъ меня любитъ. Впрочемъ, во всѣхъ случаяхъ твоей жизни, относись къ моимъ дѣтямъ: изъ любви ко мнѣ и за любовь мою къ нимъ они должны и тебя полюбить. Ты для всѣхъ насъ сдѣлалъ столь важную услугу, что мы должны считать тебя близкимъ членомъ нашей фамиліи».

Зная, какъ пріятенъ его свѣтлости всякій предметъ, напоминающій объ его родительницѣ, я поднесъ ему планъ города Переяславля въ томъ же видѣ, въ какомъ городъ былъ до пожара 1771 г. и гдѣ значился и домъ гр. Витгенштейна. Фельдмаршалъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ этотъ планъ и, сравнивъ его съ планомъ настоящаго времени, еще болѣе убѣдился, что памятникъ основанъ дѣйствительно на томъ мѣстѣ, гдѣ были домъ его отца и могила матери. Послѣ того я предложилъ ему принять тутъ же поднесенный кирпичъ, вынутый мною для сего съ изголовья останковъ его матери. Я не ожидалъ, до какой степени это тронетъ князя. Онъ взялъ дрожащими руками этотъ кирпичъ, говоря: «этотъ камень будетъ изголовьемъ моего гроба», поцѣловалъ его и заплакалъ. Онъ обнялъ меня и, коснувшись устами моей головы, сказалъ: «Спасибо тебѣ, мой милый, за этотъ даръ, спасибо! Кто тебя научилъ такъ угодить моему сердцу?» Потомъ, когда выходилъ изъ дому и садился въ экипажъ, то своими руками вынесъ кирпичъ и положилъ его въ карету, подлѣ себя. Когда все было готово къ выѣзду, его свѣтлости угодно было видѣть мое семейство. Лишь только вошла моя жена, то онъ поцѣловалъ у нея руку и благодарилъ за спокойный и радушный пріемъ въ нашемъ домѣ. Смотря на толпу маленькихъ моихъ дѣтей, онъ спросилъ, сколько всѣхъ ихъ и на отвѣтъ, что ихъ семь человѣкъ, сказалъ: «Вы люди молодые, у васъ могутъ быть еще дѣти, но не огорчайтесь; это грѣшно. Богъ на каждаго пошлетъ. Вотъ и у моей княгини Трубецкой 9-ть дѣтей, но она такая добрая, что не тяготится числомъ ихъ». За этимъ, обра-

щаясь къ женѣ моей, сказалъ: «Я говорилъ вашему мужу о многомъ, говорилъ ему и о моей дочери княгинѣ Трубецкой. Богъ дастъ, можетъ быть, вы будете жить близко, любите ее; она добра и полюбитъ васъ взаимно». Тутъ, подозвавъ старшаго сына моего Вячеслава, благословилъ его, положилъ руку на его младенческую голову и, поцѣловавъ, сказалъ: «пусть мое благословеніе и этотъ поцѣлуй принесутъ тебѣ счастіе въ жизни». Жена моя, бывъ тронута этимъ, заплакала, но, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе своихъ слезъ, начала говорить о надеждѣ своей имѣть счастіе, на слѣдующій годъ, видѣть его свѣтлость у себя, на что князь отвѣчалъ: «Если буду живъ, то непремѣнно пріѣду для освященія памятника, въ противномъ случаѣ, будутъ у васъ мои дѣти. За княгиню Трубецкую ручаюсь, что пріѣдетъ». Затѣмъ, поднявшись съ дивана, еще поблагодарилъ хозяйку дома за гостепріимство и, поцѣловавъ руку, простился. Но какъ въ 6-ти верстахъ отъ Переяславля нужно было переѣзжать черезъ Днѣпръ, то, не смотря на сдѣланныя мною предварительныя распоряженія о безопасности этой переправы, я долгомъ счелъ проводить дорогого нашего гостя и когда пріѣхали къ берегу рѣки и экипажъ былъ поставленъ на паромъ, то его свѣтлость, еще разъ повторивъ свои просьбы объ окончаніи устройства памятника, сказалъ: «Помни, буду живъ—пріѣду самъ; умру—пріѣдутъ мои дѣти. Тебя же, съ твоей семьей, никогда не забуду и, умирая, завѣщаю имъ не оставлять тебя. Въ крайнихъ случаяхъ относись о себѣ къ кн. Льву Петровичу; онъ добръ. Прощай! Спасибо тебѣ за все, пріѣзжай непремѣнно въ Каменку». Это были послѣднія слова, слышанныя мною изъ устъ фельдмаршала. Я схватилъ поданную руку и поцѣловавъ ее, горько заплакалъ, чувствуя, что это было прощаніе съ умирающимъ. Долго и грустно смотрѣлъ я на отплывающій паромъ съ фельдмаршаломъ, покуда не скрылся онъ изъ глазъ. Черезъ мѣсяцъ, этотъ герой славы, этотъ мужъ, преисполненный всѣми добродѣтелями, уже не существовалъ...

Въ томъ же году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, получивъ извѣстіе, что умершаго фельдмаршала Витгенштейна привезли изъ за границы въ имѣніе его, въ мѣстечко Каменку, я долгомъ счелъ исполнить завѣтъ покойнаго побывать въ Каменкѣ, чтобъ отдать послѣдній долгъ праху его. Не могу описать всѣхъ ласкъ, которыми я былъ осыпанъ вдовою фельдмаршала и сыновьями его, тутъ же бывшими, князьями Николаемъ и Львомъ Петровичами; скажу только, что я нашелъ тамъ всѣхъ и каждаго въ тяжкой скорби о невозвратной потери. Когда я былъ на панихидѣ, въ часовнѣ, гдѣ сохранялось тѣло умершаго, впредъ до погребенія, то плачъ и рыданіе всѣхъ присутствовавшихъ были поразп-

тельны. Собравшаяся толпа Жидовъ, стоя за оградой церкви, также горько плакала о потерѣ своего благодѣтеля.

Съ замираніемъ сердца я приблизился къ гробу умершаго; скорбь моя была невыразима. Въ изголовіи гроба я увидалъ поднесенный мною кирпичъ, бывшій въ изголовіи его матери и еще такъ недавно окропленный его слезами. Перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ, грустныя мысли и скорбь сердца выжимаютъ изъ глазъ слезы; и если что впослѣдствіи облегчало эту невознаградимую для меня потерю, такъ это поистинѣ рѣдкое сочувствіе членовъ семейства покойнаго фельдмаршала къ завѣту умершаго. Ея свѣтлость кн. Антуанета Станиславовна, въ тяжкую скорбь о потерѣ обожаемаго супруга, находила какъ бы услажденіе въ заботахъ объ исполненіи воли покойнаго, касательно довершенія устройства памятника въ Переяславлѣ.

Въ 1844 г. Мая 18-го памятникъ сей окончательно былъ установленъ и освященъ въ присутствіи, нарочно пріѣхавшихъ изъ Орла, дочери фельдмаршала княгини Эмиліи Петровны Трубецкой, супруга ея кн. Петра Ивановича и дочери ихъ Маріи Петровны [1]). По совершеніи обряда освященія памятника ея сіятельство кн. Эмилія Петровна, отъ лица кн. Витгенштейна и всѣхъ членовъ фамиліи умершаго фельдмаршала, съ лестнымъ письмомъ отъ ея свѣтлости, вручила мнѣ прекрасной работы кружку, съ надписью: «Господину городничему города Переяславля Павлу Лукичу Пуцилло, въ знакъ памяти отъ вдовы и дѣтей покойнаго фельдмаршала Витгенштейна».

Даръ этотъ, какъ знакъ вниманія, для меня безцѣненъ... Завѣщаю моимъ дѣтямъ, старшему и достойному изъ нихъ, сохранить съ этими знаками эту кружку и передавать изъ рода въ родъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаю, именемъ святости отеческаго благословенія, сохранять глубокое уваженіе и безпредѣльную преданность ко всему роду Витгенштейновъ и роду кн. Петра Ивановича и Эмиліи Петровны Трубецкихъ и всегда помнить имя и благоговѣть къ славѣ фельдмаршала князя Петра Христіановича Витгенштейна.

П. Пуцилло.

1844 г. Переяславль.

(*Сообщено Маріею Петровною Зиновьевой*).

---

[1]) Нынѣ вдовы Павла Васильевича Зиновьева. П. Б.